

Структура падежных форм парадигмы определенного склонения в эрзянском диалектном ареале

Д.В. Цыганкин

*ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация,
kaferz@mail.ru*

Н.А. Агафонова

*ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация,
ohanina@rambler.ru*

И.Н. Рябов

*ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация,
ryabov.74@bk.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: статья посвящена детальному рассмотрению структуры падежных словоформ определенного склонения. Отдельное внимание уделено вопросам изучения эрзянских диалектов и говоров и их классификации. Это позволило показать дисперсность проживания носителей эрзянского языка, приведшую к неравномерному распределению диалектов и говоров и отсутствию между ними четко очерченных границ.

Цель статьи: основная цель данного исследования – анализ варьирования падежных словоформ единственного числа определенного склонения эрзянского диалектного ареала.

Материалы исследования: статья подготовлена на основе полевых материалов авторов, собранных во время лингвистических экспедиций как на территории Республики Мордовия, так и в местах компактного проживания эрзи за пределами Республики Мордовия.

Результаты и научная новизна: в результате проведенного исследования авторы выделяют структурные и морфемные особенности, характерные для определенного склонения имени существительного эрзянского диалектного ареала. Выявлено, в падежных парадигмах реализация морфем определенности и их структура разных диалектов и говоров неоднородна.

Ключевые слова: морфема определенности, парадигма, падеж, структура, кодифицированный язык, эрзянские диалекты, классификация диалектов.

Для цитирования: Цыганкин Д.В., Агафонова Н.А., Рябов И.Н. Структура падежных форм парадигмы определенного склонения в эрзянском диалектном ареале // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 4. С. 86-97.

The structure of the case forms in the paradigm of the definite declension in the Erzya dialect area

D.V. Tsygankin

*Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation,
kaferz@mail.ru*

N.A. Agafonova

*Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation,
ohanina@rambler.ru*

I.N. Ryabov

*Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation,
ryabov.74@bk.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article deals with a detailed consideration of the structure of the case word-forms of the definite declension. A special attention is paid to the study of the Erzya dialects, subdialects and their classification. It allowed to show the dispersion of residence of the speakers of Erzya language, which led to the uneven distribution of dialects and subdialects and absence of clear boundaries between them.

Objective: the analysis of the variation of the case word-forms in the singular of the definite declension of the Erzya dialect area.

Research materials: the article is prepared on the basis of the field materials of the authors collected during the linguistic expeditions on the territory of the Republic of Mordovia and in the places of compact residence of the Erzya people outside the Republic of Mordovia.

Results and novelty of the research: in the results of the research the authors identify the structural and morphemic features of the definite declension of the nouns of the Erzya dialect area. It has been found that in the case paradigms of different dialects the realization of morphemes of definiteness and their structure are different.

Key words: morpheme of definiteness, paradigm, case, structure, codified language, Erzya dialects, classification of dialects.

For citation: Tsygankin D.V., Agafonova N.A., Ryabov I.N. The structure of the case forms in the paradigm of the definite declension in the Erzya dialect area // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2017; 7 (4): 86-97.

Введение

Формирование диалектов эрзянского языка завершилось в достаточно ранний период истории эрзянского народа, до заселения восточных и юго-восточных территорий. А.П. Феоктистов считал, что «сплочение мокшанских и эрзянских говоров в диалекты известных типов завершилось еще до XVIII в.» [15, 319]. В диалектах, сформировавшихся после миграции (говоры Поволжья, Заволжья и Южного Урала), встречаются те же языковые явления, которые характерны диалектам переселенцев с прежних мест жительства.

Первые диалектные образцы лексических и текстовых материалов на эрзянском языке зафиксированы еще в XVII веке в трудах Н. Витсена, Ф. Страленберга, Г.Ф. Миллера, И.И. Лепехина, П.С. Палласа, И.Э. Фишера, П. Фалька, И. Георги и других [14, 3–35].

Особенно плодотворной была деятельность финского языковеда Хейкки Паасонена, который на рубеже XIX и XX столетий собрал богатейший материал по говорам, относящимся к различным диалектам эрзянского и мокшанского языков, и на его основе написал ряд капитальных исследований по вопросам мордовского языкознания. Так, в его работе «Mordwinische Lautlehre» дается характеристика фонетического строя эрзянского языка, а также приводятся парадигмы склонения существительных и спряжения глаголов [21]. В работе «Mordwinische Chrestomathie», кроме текстов, представлены также парадигмы определенного и неопределенного склонений имени существительного в единственном и множественном числе, система посессивных суффиксов, парадигмы спряжений объектных

и безобъектных форм глаголов по всем наклонениям (индикатив, конъюнктив, дезидератив, кондиционал, оптатив и императив), формы инфинитива и причастия, парадигмы негативных форм глагола [20].

Большое значение для эрзянской диалектологии имеет фундаментальный труд А.А. Шахматова «Мордовский этнографический сборник», в котором, помимо интереснейших по тематике фольклорных текстов, в приложении дается «Фонетический и морфологический очерк сухокарбулацкого и оркинского говоров» [19].

История классификаций эрзянских диалектов и говоров связана с именами таких ученых-лингвистов, как М.Е. Евсевьев, Д.В. Бубрих, Н.Ф. Цыганов, Д.В. Цыганкин, Г.И. Ермушкин.

М.Е. Евсевьев, один из первых мордовских ученых, считал изучение диалектов первой задачей. В книге М.Е. Евсевьева «Основы мордовской грамматики» впервые дается классификация эрзянских диалектов. Он выделяет четыре диалектные группы: 1) говоры закамской эрзи бывшего Темниковского уезда (современные говоры шокшанского диалекта); 2) говоры бывшего Ардатовского уезда Ульяновской губернии, названные им центральными (современные козловско-ардаговские говоры); 3) говоры бывших Сергачского и Лукояновского уездов Нижегородской губернии (современные припьянские говоры); 4) говоры бывших Алатырского и Курмышского уездов (современные приалатырские говоры) [7, 14–16].

Большую работу по изучению эрзянских диалектов проделала комиссия под руководством

Д.В. Бубриха. В своей классификации Д. В. Бубрих на основе гласных в первом слоге слова разделил все говоры эрзянского языка на три диалектных типа: 1) простейший тип: *кудо* 'дом', *кизэ* 'лето'; 2) прогрессивно-ассимиляторный тип: *куду* 'дом', *кизы* 'лето', *мор* 'песня', *т'эсэ* 'здесь'; 3) регрессивно-ассимиляторный тип: *кунсоломс* 'слушать', *кунсолок* 'слушай', но *кунсулат* 'ты слушаешь', *кунсулутано* 'мы слушаем' [5, 9–10].

Н.Ф. Цыганов на основе фонетических особенностей (гармонии гласных по ряду, «уканию», «оканию», «эканию» и «иканию», наличию редуцированных гласных) выделил в эрзянском диалектном ареале пять диалектных типов: 1) укающий (или шокшинский); 2) окающий (или простейший); 3) укающе-окающий (или прогрессивно-ассимиляторный); 4) акающий (или редуцированный); 5) окающе-укающий (или регрессивно-ассимиляторный) [18, 70–73]. Однако и эта классификация основана лишь на фонетических принципах, в ней не учитываются морфологические особенности эрзянских диалектов.

Опираясь не только на фонетические принципы, но также и на морфологические особенности и территориальный аспект, осуществил классификацию эрзянских диалектов на территории Республики Мордовия Д.В. Цыганкин. Он выделяет четыре диалектных типа: центральный, западный, северо-западный и юго-восточный [16, 33–76].

Классификация Г.И. Ермушкина была создана на основе классификации Д.В. Цыганкина, но в ней выделяется дополнительно пятый диалектный тип – дракинско-теньгушевский, распространенный в западных районах Республики Мордовия, Теньгушевском и Торбеевском районах [9, 10–27].

В основу морфологического принципа в классификации Д.В. Цыганкина заложены диалектные явления, характерные для разных структур косвенно-указательных падежей единственного числа и система лично-притяжательных суффиксов имени существительного. Ниже дана карта диалектного членения восточной части Мордовии.

В данной статье делается попытка рассмотрения реализации морфем определенности в парадигмах единственного числа имени существительного в эрзянском диалектном ареале.

Изучению категории определенности в мордовских литературных языках посвящена работа Т.М. Тихоновой [13]. В эрзянском диалектном ареале исследованием этой категории занимались Д.Т. Надькин [11; 12], Д.В. Цыганкин [17], Г.И. Ермушкин [8; 10], Н.А. Агафонова [2; 3; 1; 4], И.Н. Рябов [3; 4].

Материалы и методы

Диалектный материал для исследования собран авторами в полевых условиях во время лингвистических экспедиций на территории Республики Мордовия и в местах компактного проживания эрзи за пределами республики Мордовия. При решении конкретных исследовательских задач использовались эвристические методы лингвистического анализа, которые в диалектологических исследованиях связаны со сбором документов и фактов. Процесс фиксации языкового материала проводился в двух направлениях: регистрация языковых явлений и фактов и проведение экспериментов. Регистрационный метод исследования позволил получить максимально достоверный диалектный материал. Таким материалом была спонтанная речь носителей того или иного диалекта и говора в естественной коммуникативной ситуации. С целью получения необходимых языковых фактов и явлений использовался экспериментальный метод, состоящий в применении всевозможных процедур, управляющих речевым поведением информанта. Обеспечить данное условие помогли программы-вопросники, отражающие лексическое, фонетическое и морфологическое варьирование мордовских диалектов и говоров.

Результаты

В эрзянском языке существительное с точки зрения грамматической определенности-неопределенности имеет два состояния: неопределенное и определенное. Дифференцирующими признаками выделения неопределенности являются: 1) возможность выбора предмета из какого-либо целого класса предметов; 2) неосведомленность о предмете. Определенность различается: 1) невозможностью выбора; 2) осведомленностью о предмете. Определенность обозначается 1) с помощью морфем, выражающих категорию определенности.

2) лично-притяжательным суффиксом 3-го лица единственного числа.

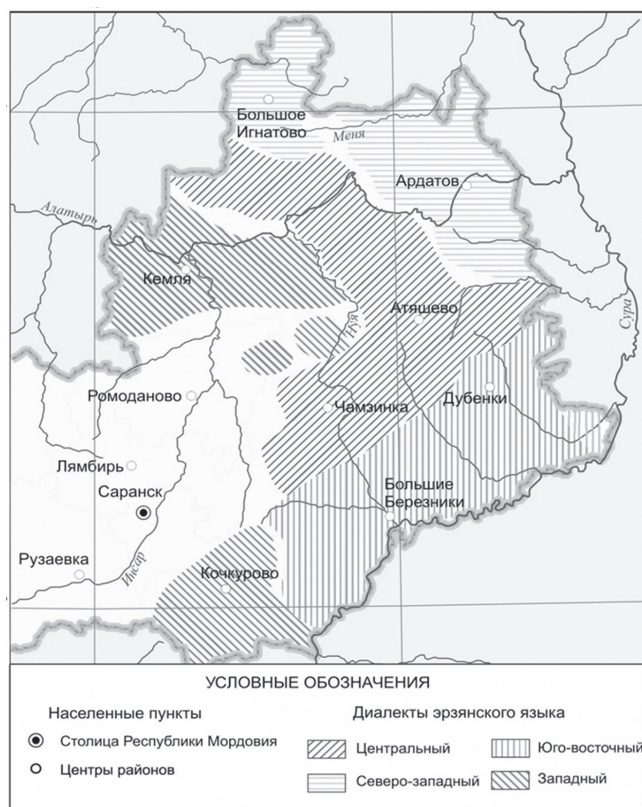

Рис. 1. Эрзянские диалекты на территории Мордовии.

В эрзянском литературном языке морфемами определенности в указательном склонении считаются: -сь (номинатив ед. числа), -ть (генитив ед. числа), -нть (косвенные падежи ед. числа); во всей парадигме множественного числа -(т)не [6, 215].

В эрзянских диалектах и говорах нами зафиксированы следующие варианты морфемы определенности в парадигме указательного склонения единственного числа, соответствующие кодифицированным морфемам: -ś, -t', -ñt', -śt', -ś/-ž, -(t')ñe. Все они восходят к древним дейктическим элементам финно-угорского языка-основы *sy-, *ty-, *ny-, которые соответствуют современным указательным местоимениям: še 'тот', t'e 'этот', ñe(t') 'эти'. Эти местоимения указывают на известный предмет, широко употребительны, обладают прозрачной этимологией, характеризуются семантической обобщенностью, сочетаются с именами.

По мнению К. Е. Майтинской переход указательных местоимений в грамматические

морфемы – явление не только чисто мордовское. Однако, из финно-угорских языков «суффиксальный (постпозитивный) артикль» в виде морфемы определенности в парадигме склонения имеется только в мордовских языках» [10, 134–140].

Необходимо отметить, что структура падежных словоформ с морфемами определенности в единственном числе эрзянского кодифицированного языка и многих диалектов и говоров различна. Так, в одних падежных словоформах единственного числа падежные суффиксы предшествуют морфеме определенности, в других – морфема определенности стоит перед падежным суффиксом. Сравните:

1. Номинатив: э. л. *судо-сь* – д. ф. *sudo-ś, sudu-ś, sudp-ś, sud4-ś, sudə-ś* 'этот нос';

2. Генитив: э. л. *судо-н-ть* – д. ф. *sudu-ñ-½, sudo-(ñ)ś-½, sudə-ś-½, sudp-ž-4-ñ, sudp-½, sudə-½* 'этого носа';

3. Датив: э. л. *судо-нм-ень* – д. ф. *sudu-ñ½-(t')iñ, sudo-ś½-(t')i, sudp-ž-ñe, sudp-½-(t')i, sut-½-(t')i* 'этому носу';

4. Аблатив: э. л. *судо-до-нмь* – д. ф. *sudu-du-ñ½, sudo-do-ś½, sud4-d4-ś½, sudə-də-ś½, sudp-ž-d'e, sut-½i-da, sudp-½-äzda* 'об этом носе';

5. Инессив: э. л. *судо-со-нмь* – д. ф. *sudu-su-ñ½, sudo-so-ś½, sud4-s4-ś½, sudə-sə-ś½, sudo-ś-ñe, sut-½i-sa, sudp-½ äsa* 'в этом носу'.

В эрзянском диалектном ареале парадигма указательного склонения характеризуется отсутствием единой системы падежей. Одно и то же падежное значение может быть передано синтетической падежной формой и аналитической конструкцией. Сравните:

vel'e-va-ñt' / vel'e-ñ-t' ezga 'по этому селу';
čora-do-št' / čora-(ñ)-ś-t' ezda 'об этом мужчине';

kudo-ška-t' / kudo-t' eška 'с этот дом (размером)'.

Отсутствие последовательности в образовании падежных форм указательного склонения свидетельствует о более позднем его происхождении и постепенном образовании падежных форм.

Морфема определенности -ś характерна для падежа номинатив всего эрзянского диалектного ареала. Присоединение этой морфемы к основе слова имеет различия. Во всем диалектном ареале к основе, оканчивающейся

на гласный, морфема *-š* присоединяется непосредственно. В кодифицированном языке и во многих эрзянских диалектах и говорах к основам, оканчивающимся на согласный, присоединение происходит с помощью интерфиксов. Однако во многих говорах северо-западного диалектного типа присоединение морфемы определенности происходит без соединительной гласной. Сравните:

- э. л. *умар-е-сь* – д. ф. *umar'-š* ‘это яблоко’;
 э. л. *скал-о-сь* – д. ф. *skal'-š* ‘эта корова’;
 э. л. *ваз-о-сь* – д. ф. *vaz'-š* ‘этот теленок’.

Морфема определенности *-ń½* встречается в формах косвенных падежей в центральном, западном диалектах и во многих говорах юго-восточного диалекта. Падежные словоформы с этой морфемой представлены следующей структурой: склоняемая основа имени + морфема падежа основного склонения + морфема определенности. Такую структуру имеют генитив, аблатив, инессив, элатив, пролатив, компаратив и абессив. В качестве иллюстрации даны диалектные примеры падежных форм аблатива, инессива, и абессива с учетом основы слова в разных фонетических вариантах. Диалектные примеры падежных форм приведены на основе опорных пунктов, обозначенных в карте 2. В картах 3, 4, 5 даны образцы лингво-географических данных варьирования морфем определенности аблатива, инессива и абессива.

Аблатив:

-d'e-ń½: *úele-d'e-ń½* ‘об этом селе’, *úir'-d'e-ń½* ‘об этом лесе’ (1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 43);

-d'i-ń½: *úeli-d'i-ń½*, *úále-d'i-ń½* ‘об этом селе’, *úir'-d'i-ń½* ‘об этом лесе’ (3, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 31, 37);

-d'e-½: *úále-d'e-½* ‘об этом селе’, *úir'-d'e-½* ‘об этом лесе’ (30, 32, 33, 34, 35, 38);

-to-ń½: *čakš-to-ń½* ‘об этом кувшине’, *tarat-to-ń½* ‘об этой ветке’ (1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 42, 43);

-tP-ń½: *čakš-tP-ń½* ‘об этом кувшине’, *tarat-tP-ń½* ‘об этой ветке’ (3, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 31, 37);

-t4 /-½e-ń½: *p'iks-½4-ń½* ‘об этой веревке’, **e½-½e-ń½* ‘об этой коже’ (1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 43);

Инессив:

-so-ń½: *por-so-ń½* ‘в этом мелу’, *oš-so-ń½* ‘в этом городе’ (1, 5, 6, 7, 8, 9, 37, 42, 43);

-su-ń½: *por-su-ń½* ‘в этом мелу’, *oš-su-ń½* ‘в этом городе’ (3, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 31);

-s4-ń½: *por-s4-ń½* ‘в мелу этом’, *oš-s4-ń½* ‘в городе этом’ (4, 5) 1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 42, 43);

-sP-ń½: *p'iri-sP-ń½* ‘в этом огороде’, *mir'd'i-sP-ń½* ‘в этом муже’ (3, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 31, 37);

Абессив:

-vtomo-ń½: *ava-vtomo-ń½* ‘без этой женщины’, *sardo-vtomo-ń½* ‘без этой занозы’ (1, 6, 7, 8, 9, 42, 43);

-vtumu-ń½: *ava-vtumu-ń½* ‘этой без женщины’, *sardu-vtumu-ń½* ‘без этой занозы’ (3, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16);

-ftPmP-ń½: *ava-ftPmP-ń½* ‘без этой женщины’, *sardP-ftPmP-ń½* ‘без этой занозы’ (31, 37);

-ftumu-ń½: *kudu-ftumu-ń½* ‘без этого дома’, *turva-ftumu-ń½* ‘без этой губы’ (31, 37);

-½eńe-ń½: *úir'-½eńe-ń½* ‘без этого леса’, *šejeł'-½eńe-ń½* ‘без этого ежа’ (1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 31, 37, 42, 43);

-½imi-ń½: *úir'-½imi-ń½* ‘без этого леса’, *šejeł'-½imi-ń½*, *šäjił'-½imi-ń½* ‘без этого ежа’ (3, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 31, 37);

-tomo-ń½: *val-tomo-ń½* ‘без этого слова’, *por-tomo-ń½* ‘без этого мела’ (1, 6, 7, 8, 9, 42, 43);

-t4me-ń½: *val-t4me-ń½* ‘без этого слова’, *por-t4me-ń½* ‘без этого мела’ (4, 5);

-tPmP-ń½: *val-tPmP-ń½* ‘без этого слова’, *sal-tPmP-ń½* ‘без этой соли’ (3, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 31, 37).

Датив и иллатив представлены следующей структурой: склоняемая основа имени + морфема определенности + морфема падежа основного склонения.

-ń½-eń: *kudo-ń½-eń* ‘этому дому’, *ava-ń½-eń* ‘этой женщине’ (1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 42, 43);

-ń½-iń: *kudu-ń½-iń* ‘этому дому’, *ava-ń½-iń* ‘этой женщине’ (3, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 31, 37).

Морфема определенности *-št'* встречается в формах косвенных падежей центрального диалектного типа (Атяшевский район Республики Мордовия), северо-западного диалектного типа (Большеигнатовский, Ардатовский районы Республики Мордовия), юго-восточного диалектного типа (Дубенский район Республики Мордовия), в эрзянских говорах сел Республики Чувашия, многих говорах Нижегородской области, а также в эрзянских говорах Шенталинского района Самарской области.

Аблатив:

do-š¹/₂: *kudo-do-š¹/₂* ‘об этом доме’, *tol-do-š¹/₂* ‘об этом огне’ (2, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29);

-d'e-š¹/₂: *úele-d'e-š¹/₂* ‘об этом селе’, *úir-d'e-š¹/₂* ‘об этом лесе’ (2, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46);

-d4-š¹/₂: *kud4-d4-š¹/₂* ‘об этом доме’, *tol-d4-š¹/₂* ‘об этом огне’ (17, 18, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 46);

-to-š¹/₂: *čakš-to-š¹/₂* ‘об этом кувшине’, *tarat-to-š¹/₂* ‘об этой ветке’ (2, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29);

-t4 /-½e-š¹/₂: *p'iks-t4-š¹/₂* ‘об этой веревке’, *k'e½-½e-š¹/₂* ‘о этой коже’ (2, 19, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 46);

Инессив:

so-š¹/₂: *por-so-š¹/₂* ‘этим мелом’, *oš-so-š¹/₂* ‘в этом городе’ (2, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 43);

-s4-š¹/₂: *por-s4-š¹/₂* ‘этим мелом’, *oš-s4-š¹/₂* ‘в этом городе’ (17, 18, 39, 40, 41, 44, 45, 46);

-s4 /-c4-š¹/₂: *úele-s4-š¹/₂* ‘в этом селе’, *k'el-c4-š¹/₂* ‘в этом языке’ (2, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 39, 40, 41, 44, 45, 46).

Абессив:

-vtomo-š¹/₂: *ava-vtomo-š¹/₂* ‘без этой женщины’, *sardo-vtomo-š¹/₂* ‘без этой занозы’ (2, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29);

-vt4m4-š¹/₂: *ava-vt4m4-š¹/₂* ‘без этой женщины’, *sard4-vt4m4-š¹/₂* ‘без этой занозы’ (4, 5, 17, 18, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 46);

-½e½e-š¹/₂: *úir-½e½e-š¹/₂* ‘без этого леса’, *šeje½-½e½e-š¹/₂* ‘без этого ежа’ (2, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 46);

-tomo-š¹/₂: *val-tomo-š¹/₂* ‘без этого слова’, *por-tomo-š¹/₂* ‘без этого мела’ (2, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 43);

-t4me-š¹/₂: *val-t4me-š¹/₂* ‘без этого слова’, *por-t4me-š¹/₂* ‘без этого мела’ (17, 18, 39, 40, 41, 44, 45, 46).

Падежные формы датива и иллатива имеют следующую структуру: склоняемая основа имени + морфема определенности + морфема падежа основного склонения.

-š¹/₂-(½)i: *kudo-š¹/₂-(½)i* ‘этому дому’, *kud4-š¹/₂-(½)i* ‘этой женщине’ (2, 17, 81, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 39, 40, 41, 44, 45, 46);

-š¹/₂-e: *kudo-š¹/₂-e* ‘этому дому’, *ava-š¹/₂-e* ‘этой женщине’ (27, 28, 29).

В говоре с. Кочкурово Дубенского района Республики Мордовия параллельно встречаются две морфемы определенности: *-št'* и *-ht'*, сравните:

mon škamon t'el'eñ beřt' eřiñ ‘Я одна всю зиму жила’

v'el'evařt' iřta il'ado jaka ‘По селу так не ходите’

Морфема определенности *-½* характерна как для кодифицированного эрзянского языка, так и для и всего эрзянского диалектного ареала для падежа генитив-аккузатив. Однако в говорах с мокшанскими языковыми элементами юго-восточного диалекта морфема *-½* встречается как в генитиве, так и в других косвенных падежах. В генитиве она флективна, сравните:

Генитив:

-½: *úir-½* ‘этого леса’, *skal-½* ‘этой коровы’, *vas-½* ‘этого теленка’.

Датив:

-½-(½)i: *úir-½-(½)i* ‘этому лесу’, *kudu-½-(½)i* ‘дому этому’, *ava-½-(½)i* ‘женщине этой’, *k'enkš-t-(½)i* ‘двери этой’.

Инессив:

-sP-½: *por-sP-½* ‘этим мелом’, *oš-sP-½* ‘в этом городе’, *p'iri-sP-½* ‘в этом огороде’,

-ctəmə- $\frac{1}{2}$: *úir-ctəmə*- $\frac{1}{2}$ 'без этого леса', *šejeł-ctəmə*- $\frac{1}{2}$ 'без этого ежа' (35, 36)

-təmə- $\frac{1}{2}$: *val-təmə*- $\frac{1}{2}$ 'без этого слова', *por-təmə*- $\frac{1}{2}$ 'без этого мела' (35, 36);

В мокшанском литературном языке парадигма определенного склонения имеет только три падежа: номинатив *вирсь* 'этот лес', генитив *вирть* 'леса этого', датив *вирти* 'лесу этому'. В некоторых смешанных говорах с мокшанской основой Самарской области под влиянием эрзянского языка выработалась парадигма определенного склонения на основе мокшанского датива. Падежные формы с морфемой определенности, кроме абессива, в этих говорах имеют следующую структуру: склоняемая основа имени + *- $\frac{1}{2}$ i* – морфема датива определенного склонения + падежный суффикс. Сравните:

Аблатив:

úir- $\frac{1}{2}$ i-da 'об этом лесе', *kudu- $\frac{1}{2}$ i-da* 'об этом доме', *ava- $\frac{1}{2}$ i-da* 'об этой женщине', *k'enkš- $\frac{1}{2}$ i-da* 'об этой двери'.

Инессив:

oš- $\frac{1}{2}$ i-sa 'в этом городе', *p'iri- $\frac{1}{2}$ i-sa* 'в этом огороде', *mird- $\frac{1}{2}$ i-sa* 'в этом муже', *úel- $\frac{1}{2}$ i-sa* 'в этом селе', *k'el- $\frac{1}{2}$ i-sa* 'в этом языке'.

Падежная форма абессива определенного склонения образуется следующим образом: склоняемая основа имени + *- $\frac{1}{2}$* – морфема генитива определенного склонения + падежный суффикс. Сравните:

ava- $\frac{1}{2}$ -ftəmə 'без этой женщины', *sardp- $\frac{1}{2}$ -ftəmə* 'без этой занозы', *kut- $\frac{1}{2}$ -ftəmə* 'без этого дома', *turva- $\frac{1}{2}$ -ftəmə* 'без этой губы'.

В кодифицированном языке и в большинстве диалектов и говоров морфема определенности *-š/-ž* выступает только в номинативе. В эрзянском диалектном ареале (говоры Новомалыклинского района Ульяновской области и некоторые говоры Нижегородской области) зафиксированы словоформы, в которых во всей парадигме указательного склонения единственная морфема определенности *-š/-ž*. Данная парадигма обладает большей логичностью по сравнению с другими соответствующими парадигмами. В этих говорах структура падежных словоформ будет следующая: склоняемая основа имени + *-š/-ž* – морфема определенности + падежный суффикс. Сравните:

Датив:

-ž-ñe: *kudp-ž-ñe* 'этому дому', *ava-ž-ñe* 'этой женщине', *k'enkš-e-ž-ñe* 'этой двери', *turva-ž-ñe* 'этой губе', *úir-e-ž-ñe* 'этому лесу'.

Падежные формы аблатива и элатива в этих говорах омонимичны. Сравните:

-ž-d'e: *čakš-p-ž-d'e* 'об этом кувшине', 'из этого кувшина', *tarad-p-ž-d'e* 'об этой ветке', 'из этой ветки', *v'el'e-z'-d'e* 'об этом селе', 'из этого села', *v'ir'-i-z'-d'e* 'об этом лесе', 'из этого леса'.

Инессив:

-š-ñ'e: *por-o-š-ñ'e* 'этим мелом', *oš-o-š-ñ'e* 'в этом городе', *p'ire-š-ñ'e* 'в этом огороде', *mird'e-š-ñ'e* 'в этом муже'.

Падеж абессив строится как на основе номинатива, так и на основе генитива. Формы, образованные на основе генитива, более употребительны.

На основе генитива.

-ž-i-ñ- $\frac{1}{2}$ eme: *ava-ž-i-ñ- $\frac{1}{2}$ eme* 'без этой женщины', *sardp-ž-i-ñ- $\frac{1}{2}$ eme* 'без этой занозы', *kudp-ž-i-ñ- $\frac{1}{2}$ eme* 'без этого дома', *turva-ž-i-ñ- $\frac{1}{2}$ eme* 'без этой губы', *úir-i-ž-i-ñ- $\frac{1}{2}$ eme* 'без этого леса', *val-p-ž-i-ñ- $\frac{1}{2}$ eme* 'без этого слова';

На основе номинатива.

š- $\frac{1}{2}$ eme: *ava-š- $\frac{1}{2}$ eme* 'без этой женщины', *sardo-š- $\frac{1}{2}$ eme* 'без этой занозы', *kudo-š- $\frac{1}{2}$ eme* 'без этого дома', *turva-š- $\frac{1}{2}$ eme* 'без этой губы', *úir-i-š- $\frac{1}{2}$ eme* 'без этого леса'.

Необходимо отметить, зачастую семантика синтетических падежных форм аблатива, инессива, элатива, иллатива, компаратива с суффиксом определенности заменяются аналитическими конструкциями: падежная форма генитива + соответствующий послелог. При этом аналитические конструкции могут быть более употребительны, чем синтетические формы. Сравните:

Аблатив:

генитив на *-ñ-t'* + послелог *ejst4*: *úele-ñ- $\frac{1}{2}$ ejst4*, *v'el'i-ñ-t' ejst4*, *v'al'i-ñ-t' äjst4* 'об этом селе', *úir-e-ñ- $\frac{1}{2}$ ejst4*, *v'ir-i-ñ-t' ejst4* 'об этом лесе' (1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 43, 3, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 31, 37);

генитив на *-š- $\frac{1}{2}$* + послелог *ejst4*: *kudo-š- $\frac{1}{2}$ ejst4* 'об этом доме', *tol-š- $\frac{1}{2}$ ejst4*: 'об этом огне', *úele-š- $\frac{1}{2}$ ejst4* 'об этом селе', *úir-š- $\frac{1}{2}$ ejst4* 'об этом лесе' (2, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46);

генитив на $-\frac{1}{2}$ + послелог *äjsâ*: *čakš*- $\frac{1}{2}$ *äjsâ* ‘об этом кувшине’, *tarat*- $\frac{1}{2}$ *äjsâ* ‘об этой ветке’ (30, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 44, 45, 46);

Инессив:

генитив на $-\dot{n}-t'$ + послелог *ejs4*: *véle*- $\dot{n}-\frac{1}{2}$ *ejs4*, *v'el'i-n-t'* *ejs4*, *v'al'i-n-t'* *äjs4* ‘об этом селе’, *vir-e-n* $\frac{1}{2}$ *ejs4*, *v'ir-i-n-t'* *äjs4* ‘об этом лесе’ (1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 43, 3, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 31, 37);

генитив на $-\dot{n}-t'$ + послелог *äjsâ*: *por*- $\frac{1}{2}$ *äjsâ* ‘этим мелом’, *oš*- $\frac{1}{2}$ *äjsâ* ‘в этом городе’ (30, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 44, 45, 46);

генитив на $-\dot{s}-\frac{1}{2}$ + послелог *ejs4*: *kudo*- $\dot{s}-\frac{1}{2}$ *ejs4* ‘об этом доме’, *tol*- $\dot{s}-\frac{1}{2}$ *ejs4*: ‘об этом огне’, *véle*- $\dot{s}-\frac{1}{2}$ *ejs4* ‘об этом селе’, *vir*- $\dot{s}-\frac{1}{2}$ *ejs4* ‘об этом лесе’ (2, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46);

генитив на $-\frac{1}{2}$ + послелог *äjsâ*: *čakš*- $\frac{1}{2}$ *äjsâ* ‘об этом кувшине’, *tarat*- $\frac{1}{2}$ *äjsâ* ‘об этой ветке’ (30, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 44, 45, 46).

Во множественном числе во всей парадигме морфемой определенности является суффикс $-(t')\dot{n}e$, восходящий к указательному местоимению *ne* ‘эти’. Этот суффикс в парадигме множественного числа всегда стоит перед падежным суффиксом. Сравните:

l'is'ma- $\frac{1}{2}$ -*ne* ‘эти колодцы’ (номинатив), *čora-t'-ne-n* ‘этих мужчин’ (генитив-аккузатив), *vir*- $\frac{1}{2}$ -*ne-s4* ‘в этих лесах’ (инессив), *vel'e*- $\frac{1}{2}$ -*ne-va* ‘по этим селам’ (пролатив), *p'ra*- $\frac{1}{2}$ -*ne-ška* ‘с эти головы (по размеру)’ (компаратив).

Обсуждения и заключения

Таким образом, эрзянский диалектный материал свидетельствует, что в парадигме определенного склонения единственного числа отсутствует единая структура падежных словоформ. Водных падежных формах (генитив, аблатив, инессив, элатив, пролатив, компаратив, абессив) она состоит из склоняемой основы

Рис. 2. Эрзянские диалекты с опорными пунктами (Восточная часть Мордовии).

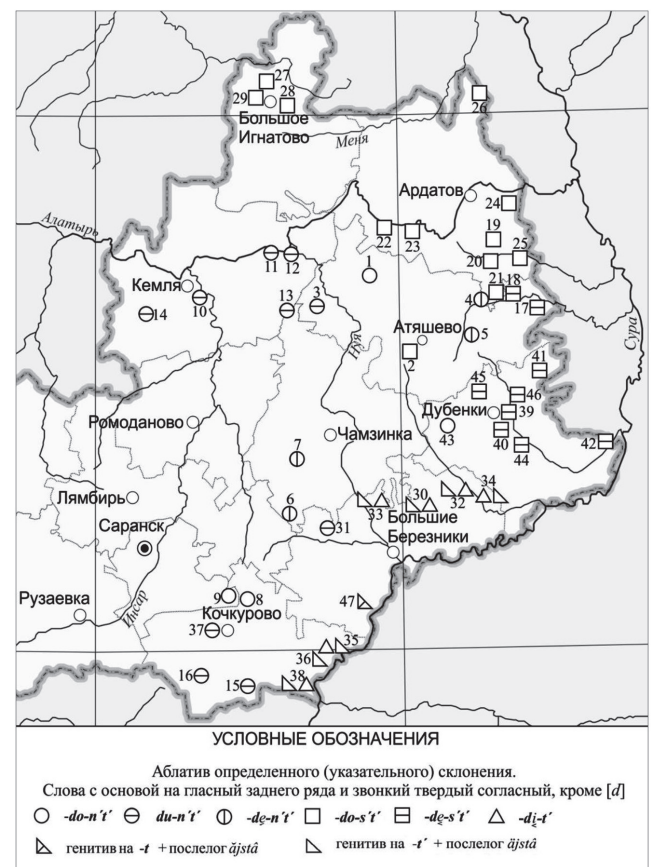

Рис. 3. Аблатив определенного склонения.

имени, морфемы падежа и морфемы определенности. В других падежных формах (номинатив, датив, иллатив) структура иная: склоняемая основа имени, морфема определенности, морфема падежа. Необходимо отметить, что парадигмы множественного числа, напротив, во всем диалектном ареале имеют единую структуру: склоняемая основа имени + морфема определенности + морфема паде-

жа. Вместе с тем, существуют диалекты, где структуры словоформ с морфемой определенности в единственном и множественном числе совпадают. В парадигме единственного числа зафиксирована одна морфема определенности *-š/-ž*. В этих диалектах и говорах, возможно, парадигмы определенного склонения являются самыми древними и последовательными.

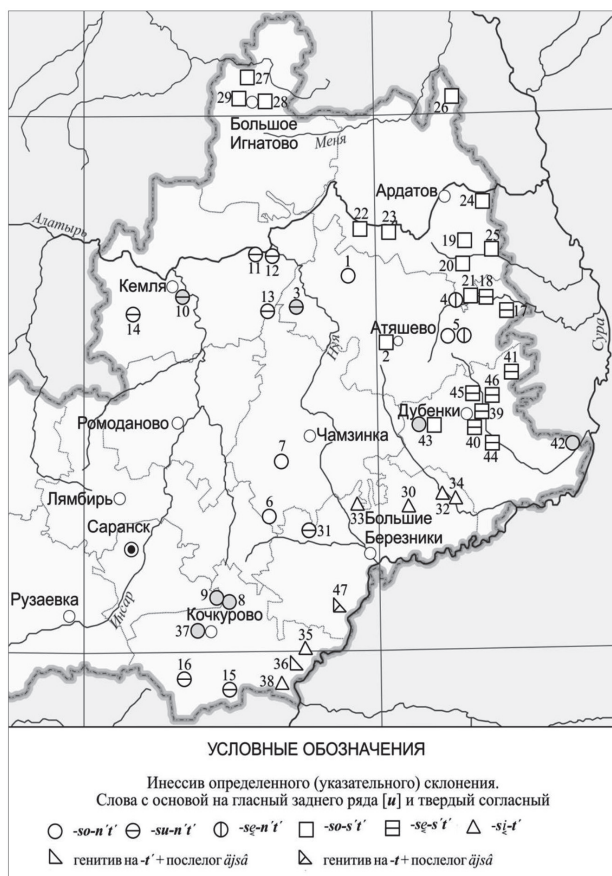

Рис. 4. Инесив определенного склонения.

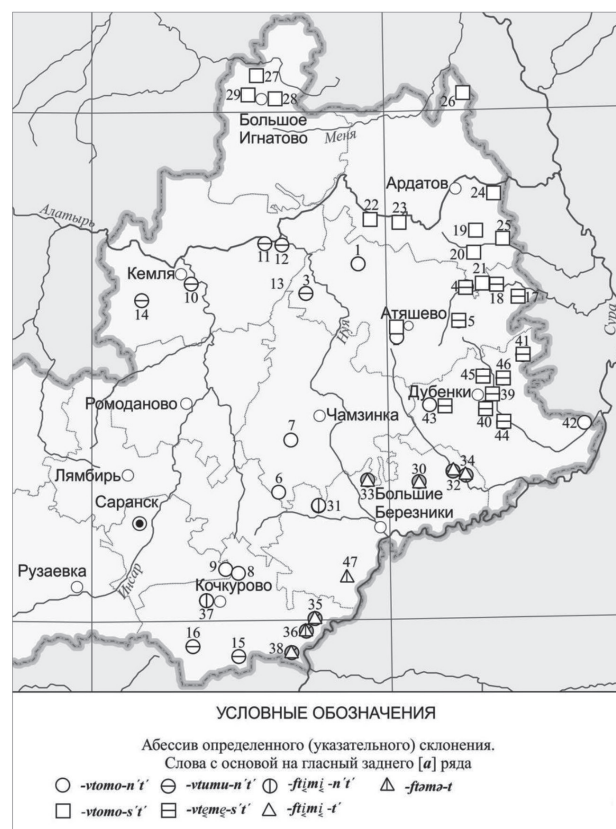

Рис. 5. Абессив определенного склонения.

Литература и источники

1. Агафонова Н.А. Варьирование детерминативных суффиксов в диалектах и говорах эрзянского языка // Mordvin languages in the field. Uralica Helsingiensia 10. Helsinki, 2016. S. 149–167.
2. Агафонова Н.А. Словоизменение имени существительного и местоимения в смешанных эрзянских говорах Куйбышевской области: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Тарту, 1983. 25 с.
3. Агафонова Н.А., Рябов И.Н. Морфологические маркеры морфем определенности в эрзянских диалектах Поволжья и Южного Урала // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 4 (20). С. 108–115.
4. Агафонова Н.А., Рябов И.Н. Парадигма определенного склонения в эрзянских говорах сел Новомалыклинского района Ульяновской области // Linguistica Uralica. 2017. № 3. С. 161–178.
5. Бубрих Д.В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 270 с.
6. Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология. Саранск: изд-во Морд. ун-та, 1980. 430 с.
7. Евсеев М.Е. Основы мордовской грамматики // Избранные труды. Т. 4. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. 470 с.

8. Ермушкин Г.И. Имя существительное и глагол в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка // Вопросы мордовского языкознания. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. XXXII. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. С. 104–143.
9. Ермушкин Г.И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М.: Наука, 1984. 142 с.
10. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 308 с.
11. Надькин Д.Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. Т. 5. С. 3–198.
12. Надькин Д.Т. К истории указательных форм в мордовских языках // Вопросы мордовского языкознания. Вып. 42. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. С. 61–68.
13. Тихонова Т.М. Выражение категории определенности в мордовских языках // Вопросы мордовского языкознания. Вып. 42. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. С. 3–60.
14. Феоктистов А.П. Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XIV–XVIII вв. // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 3–35.
15. Феоктистов А.П. Об исследовании диалектов финно-угорских языков методами полевой и ареальной лингвистики // Научные издания московского венгерского колледжа. М.: Валанг, 2002. С. 318–329.
16. Цыганкин Д.В. Фонетика эрзянских диалектов. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 1979. 112 с.
17. Цыганкин Д.В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определённости-неопределённости и притяжательности). Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 1978. 72 с.
18. Цыганов Н.Ф. К вопросу о классификации мордовского-эрзя языка // Совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков. М. [б.и.], 1959. С. 47–52.
19. Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. Спб.: Типография Императорской Академии Наук, 1910. 848 с.
20. Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Zweite Auflage. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen IV. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1909. 159 s.
21. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Akademische Abhandlung. Helsingfors, 1893. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors, 1903. 123 s.

References

1. Agafonova N.A. *Varjирование determinativnyh suffiksov v dialektah i govorah erzyanskogo yazyka* [Variation of the determinative suffixes in the dialects and subdialects of the Erzya language]. *Uralica Helsingiensia* 10. Helsinki, 2016, pp. 149–167. (In Russian)
2. Agafonova N.A. *Slovoizmenenie imeni sushchestvitelnogo i mestoimeniya v smeshannyh erzyanskikh govorah Kujbyshevskoj oblasti* [Inflexion of the noun and pronoun in the mixed Erzyan dialects of Kuibyshev Oblast]. Tartu, 1983. 25 p. (In Russian)
3. Agafonova N.A., Ryabov I.N. *Morfologicheskie markery morfem opredelennosti v erzyanskikh dialektah Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala* [Morphological markers of the morphemes of definiteness in the Erzya dialects of the Volga region and Southern Urals]. *Vestnik NII Gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of the Humanitarian Sciences under the Government of the Republic of Mordovia], 2011, no. 4 (20), pp. 108–115. (In Russian)
4. Agafonova N.A., Ryabov, I.N. *Paradigma opredelennogo skloneniya v erzyanskikh govorah sel Novomalyklinskogo rajona Ulyanovskoj oblasti* [The paradigm of the definite declension in the Erzya dialects of the villages of Novomalyklinsky District in Ulyanovsk Oblast]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2017, no. 3, pp. 161–178. (In Russian)
5. Bubrikh D.V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1953. 270 p. (In Russian)
6. *Grammatika mordovskikh yazykov. Fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya* [The grammar of the Mordovian languages. Phonetics, graphics, orthography, morphology]. Saransk: Izd-vo Mord. un-ta Publ., 1980. 430 p. (In Russian)
7. Evseyev M.E. *Osnovy mordovskoy grammatiki* [The basis of the Mordovian grammar]. *Izbrannye trudy. T. 4* [Selected works. Vol. 4]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. 470 p. (In Russian)
8. Ermushkin G.I. *Imya sushchestvitel'noe i glagol v severo-zapadnyh govorah erzya-mordovskogo yazyka* [The noun and the verb in the North-Western dialects of the Erzya-Mordovian language]. *Voprosy mordovskogo yazykoznaniiya. Trudy MNIYALIE* [Issues of the Mordovian linguistics. Proceedings of the MSRILLE]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., vol. XXXII, 1967. pp. 104–143. (In Russian)

9. Ermushkin G.I. *Arealnye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (erzya-mordovskij yazyk)*. [Areal research on the Eastern Finno-Ugric languages (Erzya-Mordovian language)]. Moscow: Nauka Publ., 1984, 142 p. (In Russian)
10. Maytinskaya K.E. *Mestoimeniya v yazykah raznyh sistem* [Pronouns in the languages of different systems]. Moscow: Nauka Publ., 1969, 308 p. (In Russian)
11. Nadkin D.T. *Morfologiya nizhnep'yanskogo dialekta erzya-mordovskogo yazyka* [Morphology of the Nizhnep'yansky dialect of the Erzya-Mordovian language]. *Ocherki mordovskih dialektov: v 5 t.* [Essays of the Mordovian dialects: in 5 vol.]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., vol. 5. 1968, pp. 3–198. (In Russian)
12. Nadkin D.T. *K istorii ukazatel'nyh form v mordovskih yazykah* [To the history of demonstrative forms in the Mordovian languages]. *Voprosy mordovskogo yazykoznanija* [Issues of Mordovian linguistics]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., vol. 42. 1972, pp. 61–68. (In Russian)
13. Tikhonova T.M. *Vyrazhenie kategorii opredelennosti v mordovskih yazykah* [The category of definiteness in the Mordovian languages]. *Voprosy mordovskogo yazykoznanija. Vyp. 42* [Issues of Mordovian linguistics. Vol. 42]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1972. pp. 3–60. (In Russian)
14. Feoktistov A.P. *Mordovskie yazyki i dialekty v istoriko-etnograficheskoj literature XIV–XVIII vv.* [The Mordovian languages and dialects in historical and ethnographic literature of the XVII–XVIII centuries]. *Ocherki mordovskih dialektov: v 5 t.* [Essays of the Mordovian dialects: in 5 vol.]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., vol. 2. 1963. pp. 3–35. (In Russian)
15. Feoktistov A.P. *Ob issledovanii dialektov finno-ugorskih yazykov metodami polevoj i areal'noj lingvistiki* [About the research of dialects of the Finno-Ugric languages by the methods of field and areal linguistics]. *Nauchnye izdaniya moskovskogo vengerskogo kolledzha* [Scientific publications of Moscow Hungarian College]. Moscow: Izd-vo «Valang» Publ., 2002, pp. 318–329. (In Russian)
16. Tsygankin D.V. *Fonetika erzyanskih dialektov* [Phonetics of the Erzya dialects]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1979. 112 p. (In Russian)
17. Tsygankin D.V. *Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitelnogo v dialektah erzya-mordovskogo yazyka (opredelyonnosti-neopredelyonnosti i prityazhatel'nosti)* [Grammatical categories of the noun in the dialects of the Erzya-Mordovian language (definiteness-indefiniteness and possessiveness)]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1978, 72 p. (In Russian)
18. Tsyganov N.F. *K voprosu o klassifikacii mordovskogo-erzya yazyka* [To the question of classification of the Mordovian-Erzya language]. *Soveshchanie po voprosam istoricheskoy grammatiki i istoricheskoy dialektologii finno-ugorskih yazykov* [Meeting on the question of historical grammar and historical dialectology of the Finno-Ugric languages]. Moscow: [w/p], 1959. pp. 47–52. (In Russian)
19. Shakhmatov A.A. *Mordovskij etnograficheskij sbornik* [Mordovian ethnographic collection]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1910. 848 p. (In Russian)
20. Paasonen H. *Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Zweite Auflage. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen IV.* Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1909, 159 p. (In German)
21. Paasonen H. *Mordwinische Lautlehre. Akademische Abhandlung.* Helsingfors, 1893. *Mordwinische Lautlehre.* MSFOu XXII. Helsingfors, 1903, 123 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цыганкин Дмитрий Васильевич, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», 430005, ул. Большевикская, 68, г. Саранск, Российская Федерация.

kaferz@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4806-2732

Агафонова Нина Афанасьевна, доцент, кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», 430005, ул. Большевикская, 68, г. Саранск, Российская Федерация.

ohanina@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-8751-2751

Рябов Иван Николаевич, заведующий кафедрой, кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», 430005, ул. Большевикская, 68, г. Саранск, Российская Федерация.

Ryabov.74@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-6760-4376

ABOUT THE AUTHORS

Tsygankin Dmitry Vasilyevich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Ogarev Mordovia State University, 430005, Bolshevistskaya st., 68, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation.

kaferz@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4806-2732

Agafonova Nina Afanasyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Ogarev Mordovia State University, 430005, Bolshevistskaya st., 68, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation.

ohanina@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-8751-2751

Ryabov Ivan Nikolayevich, Candidate of Philological Sciences, Ogarev Mordovia State University, 430005, Bolshevistskaya st., 68, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation.

ryabov.74@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-6760-4376